

С Александром Михайловичем Ермолаевым я познакомился 55 лет назад. Но «познакомился» – это громко сказано. Я был студентом 2 курса, а Александр Михайлович – начинающим преподавателем только что закончившим университет за 3 года до этого. Но нам он казался очень солидным, поскольку всегда был очень подтянутым, в костюме, белой рубашке и галстуке. Именно таким я представлял себе «настоящего ученого» в духе героев фильма «9 дней одного года». Читавшие нам общие курсы Агранович, Любич, Есельсон, Гулида и другие оставляли впечатление «преподавателей». Ермолаев вел у нас практические занятия по «Теоретической механике». Возможно, благодаря его влиянию Механика (в более широком смысле слова, как механика конденсированных сред, нелинейная механика) стала для меня в дальнейшем наиболее интересной и любимой областью науки. Позже я сталкивался с Александром Михайловичем на кафедре физики низких температур, где он работал первое время после окончания университета, а я учился одновременно на той же кафедре и кафедре теоретической физики. Помню, как я заставал его в маленькой комнатке возле поворота на физфак. Он сидел за столом, на которой лежали две стопки бумаги. Из одной он брал чистые листки, быстро записывал его крупными словами и формулами и откладывал во вторую стопку. Работа на экспериментальной кафедре, по-видимому, наложила отпечаток на стиль работы Ермолаева. Его теоретические работы в дальнейшем, как правило, были тесно связаны с проблемами, имеющими выход в эксперимент. В дальнейшем, работая в УФТИ и ФТИНТе, я понял, насколько это важно для теоретика, и часто испытывал неудовлетворенность от решения чисто академических задач теоретической физики. Познакомившись с Александром Михайловичем ближе, я понял насколько он необычайно трудолюбивый человек. В течении многих лет он совмещал профессиональную работу физика-теоретика высочайшего уровня, продолжая традиции своих учителей М.И.Каганова и Э.А.Канера, изнурительную работу талантливого преподавателя нескольких университетских курсов и в последнее время – неблагодарную должность заведующего кафедрой. Это заведование пришлось на время, неблагоприятное для науки и образования. Поскольку пиетет физики и восторженного отношения к ней ушли временно в прошлое, а молодежь ринулась в «бизнесмены, банкиры, топ-модели, журналисты», а позже и напрямую на Запад, то возник вакуум поступающих на физфак умных и приличных молодых людей. Сотрудникам кафедры пришлось разъезжать по городам и городкам, агитируя школьников поступать на физический факультет. Пришлось этим заниматься и Александру Михайловичу. Он прекрасно понимал, что даже, если на курсе будут 2-3 приличных студента-теоретика, и даже если они потом уедут, необходимо прилагать все усилия для этой деятельности, чтобы «не прервалась связь времен» и сохранились традиции харьковской школы теоретической физики Ландау, Ахиезера и Лифшица. Именно благодаря усилиям Ермолаева удалось присвоить кафедре теоретической физики имя ее основателя Ильи Михайловича и поддерживать высокий уровень преподавания на ней. При этом он продолжал традицию, восходящую к Ландау и Лифшицу – привлекать к процессу преподавания сотрудников ведущих институтов Харькова, активно работающих в современной науке и имеющих тягу к преподаванию. Часто это было связано с определенными трудностями. В «смутное время» от некоторых сотрудников других кафедр можно было услышать, что необходимо избавиться от совместителей, поскольку не хватает денег на оплату труда даже основных

сотрудников университета, для которых преподавание является единственным «средством существования». Но Ермолаев всегда отстаивал традиции кафедры, заботясь прежде всего о ее уровне. В результате кафедра им. Лифшица остается одной из самых «котируемых» на физфаке и вообще в университете. Об уровне ее выпускников свидетельствует то, что многие из них успешно работают в престижных западных университетах. В этом, несомненно, заслуга Александра Михайловича. Хотя одновременная работа в области теорфизики и преподавательская деятельность требует больших усилий, но одновременно приносит и двойное удовольствие. Любовь к студентам и преподавательскому процессу в конечном итоге приводит к желанию излагать свой опыт в виде учебников и монографий. Ермолаевым написан ряд учебных пособий и две прекрасные монографии. Особенно выделю серию брошюр по статфизике и выпущенную на их основе книгу «Введение в статистическую физику и термодинамику». Хотя я сам не занимаюсь задачами статистической физики, но в случаях, когда мне необходима информация в этой области, я обращаюсь к монографии Ермолаева и Рашбы и нахожу ответы там. Александр Михайлович – широко образованный в области теоретической физики ученый. Он прочел целый ряд общих курсов, что характерно для традиций западных университетов. Это связано с постоянным стремлением расширить область своих знаний. После его ухода из университета, я как-то его спросил: чем он сейчас занимается? Он ответил: Читаю те книги по теоретической физики, которые из-за загруженности я не успел прочитать студентом, аспирантом, преподавателем и заведующим кафедрой. Прекрасный ответ для **Ученого и Учителя!**

А.С.Ковалев